
РОССИЙСКИЕ ГОРИЗОНТЫ

А. Неклесса

Институт Африки РАН

XXI век рождает уходящие в неизвестность конструкции и сценарии, упрощение которых чревато коллизиями. Трансформируется система международных отношений, перераспределяются и делегируются суверенитеты, расширяется номенклатура внешнеполитических организаций. Камертон актуальной повестки: сложный человек в сложном мире – акцент переносится на венчурные личностные коалиции вместо безличных бюрократизированных организаций. Комплексный мир интегрирует то, что ранее было дисциплинарно рассечено: война, экономика, культура, индивидуальное развитие и групповое взаимодействие сливаются в наднациональный континуум. Россия в формате Российской Федерации – наследница основной части исторического и территориального имущества как правопреемница юридических полномочий России-СССР и как метрополия прежней Российской империи. Реконструкция страны так или иначе неизбежна, есть логика больших систем, можно что-то приблизить или отсрочить, но избежать нельзя. В реестре назревших проблем – кризис системы власти: неконкурентоспособность в динамичном, многослойном мире ригидных структур и охранительных механизмов, основанных на механистичных представлениях, автократии, клановости, патернализме. Путь к грамотной реструктуризации – осознание актуального контекста: изменившегося статуса личности и государства, особенностей гражданства в новой редакции реальности, архитектоники страны как сообщества и мира как суммы взаимодействий, ценностных основ российского общества и заново осмысленных его целей. Культурный и человеческий капитал, среда высокой организации, наличие оригинальной музыки сфер – императив для значимого присутствия в новой зоне, а проблема осознанной идентичности – одна из центральных в расширяющейся человеческой вселенной.

Ключевые слова: будущее, прогнозирование, сложность, трансформация, постсовременность, Россия.

Эпоха, предъявившая миру экспансию городской культуры и адекватные ей форматы, близка к завершению. Количество жителей Земли приросло за век миллиардами, развитие транспорта, эффективные коммуникации, изощренный инструментарий резко повысили интенсивность взаимодействий и результативность процедур. Города, умножаясь в числе, расплозились мегаполисами и, переживая мутации, обращаются в хабы, терминалы глобального мегаполиса.

На трансграничной земле переселяются народы, ведется чреватый конфликтами диалог. Национальные государства утрачивают былую актуальность, их суверенитет трансформируется под влиянием глобализации, глокализации, субсидиарности, сужается возможность властного управления

человеческими траекториями, сохраняя качества и блага суверенного правового сообщества, меняется сама модель отношений государства и человека.

Камертон обновляющейся повестки: сложный человек в сложном мире – акцент переносится на венчурные личностные коалиции, скрепленные общностью амбициозных целей, вместо безликих бюрократических институций, делая ставку на творческую предприимчивость плюс нелинейный образ ойкумены. В мире утверждается в качестве доминанты влиятельный персонаж – *manterpriser*, человек-предприятие.

Антропологическая вселенная

Будущее уже наступило. Просто оно еще неравномерно распределено.

Уильям Гибсон

Социокультурная гравитация, перераспределяя растекающиеся по планете народы, сгущает новые политические туманности, призрачные тела которых могут соприсутствовать как в прежних, так и в зарождающихся мирах. Преимущества и недостатки сообществ в возрастающей степени определяются человеческим фактором, уровнем культуры, качеством производимых знаний, многообразием либо дефицитом взаимосвязей, притягательностью либо отторжением сложившихся образцов.

Кризис перехода пробуждает эволюционные инстинкты, предъявляя эпохе открытый и динамичный горизонт. Наряду с прежней социополитической феноменологией возникают общества, выстраиваемые по экзотичным лекалам, характерные черты которых: примат культурной и/или конфессиональной гравитации, потоковая социальность, распределенная множественность среды обитания. Прагматичный консенсус наших дней – региональные интегрии – по-своему перемалывают границы и субстанцию прежних структур.

Конфигурации постсовременного космоса, каналы связи, взаимодействия создаются посредством специфических принципов и технологий: контактных – схожих с движением информации по типу «сарафанного радио» либо перемещением денег в системе *hawala* и бесконтактных – автономно и когерентно ведущих людей к чаемой цели. Планирование – причем не только маршрутизация больших организмов на дальнюю дистанцию – становится полифоничным, гибким, диалогичным искусством, связанным с формированием многослойного неравновесного общества, пронизанного подвижными личностными молекулами и мутирующими социогенетическими цепочками: полицентричной среды с непростой суммой аномалий, возможностей и рисков.

Умножение и взаимопроникновение антропологических галактик влияет на структурность и толерантность человеческого общежития, диктуя перенастройку социальных гармоник, в созвучии с которыми складываются

будущие обстоятельства. Люди, обживая и обустривая просторы человеческой и цифровой вселенных, все чаще воплощают прописи двойного применения, демонстрируя готовность к радикальным мерам, конструктивным и деструктивным. Обитатели оборотной стороны экзистенции, существуя вне кокона политкорректности и пренебрегая интеллектуальным снобизмом, не отвергают, однако, дискурсивный акт как таковой, однако их моделирование футуристичной практики воплощается в эксперименте – прямом действии. Иначе говоря, предъявлении городу и миру не столько результирующего текста рефлексии, сколько провокативного, лишнего излишних сантиментов действия.

Соответственно и актуальную тему истишхади или ингимаси как антропологического оружия вряд ли следует рассматривать в качестве исключительно исламистского явления: корни феномена глубже, а перспективы шире. Обретение экстремист-футуристами со временем диверсифицированных в ходе технической революции модификаций ОМП, ядерного оружия либо аналогичных по силе воздействия средств заметно повлияет на социальные норы, статус регулярной армии и характеристики силового противостояния в целом.

Между тем спонтанное проникновение в будущее для обычных субъектов оказывается все более затруднительным. Диахронные координаты бытия, изгибы дорожной карты цивилизации замещают прежнюю пространственную (географическую, геополитическую) организацию мира в качестве доминанты его социальной топографии и динамической сути нового, неравновесного порядка.

Перманентная контрреволюция

Будущее состояние вещи уже начинает существовать в настоящем, и состояния противоположные суть следствия одно другого неминуемые.

Александр Радищев

Новизна обладает серьезными конкурентными преимуществами, которые нередко осложнены дестабилизацией с высоким уровнем рисков.

Рынок версий будущего, предлагая маршруты, оперирует расчетами и предположениями, но актуальное содержание ряда категорий шире текущих представлений. Для прогнозирования действий в ситуации неопределенности важно не только учитывать имеющиеся ресурсы и сложившиеся обстоятельства, но также различать признаки становления иного, отыскивая зерна перспективных ситуаций и отраслей, прорастающие в современности.

Прошлое может быть не менее переменчивым и предприимчивым. При определенных обстоятельствах оно способно исказить логику транзита, затопить формирующийся ландшафт – нам приходится осмыслять новизну,

пребывая в атмосфере ветхих эманаций, формулируя концепты по сделанным при других обстоятельствах лекалам. Тут могут возникать серьезные абберрации: предполагая созидать будущее, можно вопреки собственным намерениям отстраивать очередную версию прошлого.

Сложившаяся система пытается репрессивно контролировать, порою прямо подавлять самоорганизующуюся критичность, сжимать возникающий дискурс, стремясь упростить ситуацию, скрывая подлинный драматизм мира. И если/когда, поддавшись совокупному давлению, новизна уплощается, позволяя обращаться с собой как с тривиальностью, пелена рождения рассеивается, коридоры перехода обрушаются, и трансформация прерывается. Прошлое же оказывается лукавым монополистом иллюзорных и усеченных перемен.

Экономическое развитие, логистическое домостроительство – составная и органичная часть культурной революции. Генеральный тренд – движение от систематизированного индустриально-информационного пейзажа к холмистому ландшафту креативного общества. Экономика высокого уровня, находящаяся на пике конкурентной пирамиды, определяется качественными характеристиками, она доминирует в производстве и экспорте высокотехнологичной продукции, чревата инновациями, открывающими и закрывающими технологиями, мультипликативными эффектами. Это продукт сообщества, адаптированного к сложноорганизованной деятельности, обладающего актуализированным культурным, человеческим, интеллектуальным капиталом, технологическим, профессиональным разнообразием, динамичным личным и социальным творчеством, соответствующей инфраструктурой.

Практика в своих институциональных проявлениях и предъявленной временем полноте и наготе – зримое производное от действительного состояния общества. Продвижение России в будущее, декларированное ранее в категориях утопизма, в последнее, но уже достаточно продолжительное время мыслится как обустройство улучшенной версии настоящего, то есть в рамках аморфно-позитивистских представлений о стабильности (нередко понимаемой как статичность) – апгрейда в стилистике индустриально-экономического пейзажа.

Пример редукции целеполагания – сугубо экономистичный подход к исчислению развития, причем преимущественно на основе плоских показателей, наподобие ВВП. Однако страна не финансово-ориентированная корпорация, развитие нации не сводимо к экономике, да и хозяйственные достижения лишь к росту ВВП. С российским ВВП вообще забавно, точнее, печально выходит. Люди при относительно небольших затратах, недавно публично анонсированных, извлекают из недр Земли, что в ней находится (историческая дилемма «присвоение» vs. «производство»). Получается же, будто они это измыслили/изготовили, что лишний раз подтверждает – ВВП (тем более отягощенный определенной лукавостью ППС) несовершенный инструмент для оценки развития.

И все же не экономика сама по себе есть главная цель развития. Экономика – манифестация конструктивной энергии общества (а в своей трофейной ипостаси – и деструктивной). Оставаясь инструментом, она отражает принцип, а также уровень власти над природой и житейскими обстоятельствами; между тем в нынешних ее метаморфозах виден генеральный вектор перемен – ключевая роль нематериальных активов, особенно человеческих и культурных. А вот тут у России как раз проблема.

Транзит от индустриализма *modernity* к нелинейной действительности происходит на наших глазах, но не в РФ. Страна, как и ряд других сообществ, оказалась в полосе отчуждения от вызовов постсовременности и, судя по всему, пребывает в интеллектуальной и социальной растерянности. Альтиметрические российские элиты ощутили оскомину от непростого искусства поведения и управления в комплексной среде: они в целом не обладают необходимым уровнем культуры/образования, альтруистическими или иными отчетливыми моральными качествами, их карьерные траектории сложились во многом волею обстоятельств, а не профессионального мастерства. Аморализм и короткий, оперативно-тактический горизонт планирования сами по себе чреваты негативными следствиями: постиндустриальной контрреволюцией, тягой к упрощению обстоятельств, деградацией культурного капитала, профанацией и утратой идеалов.

Сейчас в России отношения, как правило, превалируют над содержанием, а доминирующими ценностями становятся денежный доход и авторитетная силовая/чиновничья позиция. В подобных обстоятельствах, пребывая в геделевской ловушке, потенциальный субъект перемен будет в той или иной степени имитировать, а не эмитировать будущее, поскольку на деле он стремится удержать (а по мере возможностей и улучшить) ситуацию, сопряженную с преимуществами собственной позиции, фактически продлевая *status quo*. Сегодня даже те, кто в российской политике пытаются заниматься реформами, находятся в этой ловушке.

Устойчивость, однако, это не равновесие, а жизнеспособность. Примечательно, что в ситуации универсальных и глобальных перемен в стране отсутствуют механизмы долгосрочного прогнозирования *наиболее вероятного будущего* с коррекцией его активным представлением, т.е. профессионального стратегического планирования. Внимание сосредоточено на эскизном разнообразии пейзажей *желаемого будущего* и оперативно-тактических комбинациях. Следствием чего становится неразличимость подлинного российского горизонта, отсутствие комплексной дорожной карты России – модели национального обустройства и продвижения в динамичной ойкумене.

Так или иначе, это состояние будет преодолеваться, практически все ситуации транзитны. Вопрос, как правило, не в том, имеется ли решение, вопрос в его цене, характере и последствиях. Пока же Россия очарована политической логикой и методами XIX – первой половины XX века. Но воевать «против кого-то» – ментальность рефлекторного типа, в то время как настоящая проблема – проникновение в будущее и его эффективное освоение.

Реконструкция России

Величайшую опасность во времена нестабильности представляет не сама нестабильность, а действия в соответствии с логикой вчерашнего дня.

Питер Друкер

Россия в формате Российской Федерации – наследница основной части исторического и территориального имущества как правопреемница юридических полномочий России-СССР и как метрополия бывшей Российской империи. Иначе говоря, Россия-РФ – это новая государственность с богатым историческим опытом, познающая себя в новой геометрии и изменившемся статусе.

Страна (state) – не территория и не государство, которое есть механизм управления (government). Это совокупность людей (nation) – обладающая суверенитетом (суверенной властью) нация: «сообщество людей, которые через единую судьбу обретают единый характер» (Отто Бауэр), *res publica*. Первоочередные задачи государства – служение (власть как служение) и защита: обеспечение легитимности управления (соответствие Конституции), справедливости правосудия, внутренней и внешней безопасности граждан, предотвращение узурпации власти, отлаживание механизмов, стимулирующих и обеспечивающих развитие.

Реконструкция России так или иначе неизбежна. Есть логика больших систем, можно что-то приблизить или отсрочить, но избежать нельзя. Императивом времени была и остается задача коренной модернизации российских просторов, решение проблем федерализации страны, установление принципов сосуществования национальных образований в рамках федеративного договора, конфессиональной гармонизации – задачи в основном решавшиеся на просторах Европы в XX веке, но к ним примыкает и специфически российская проблема континентальной имперскости, не до конца разрешенная разделением 1991 года.

Возможно, основное в реестре назревших проблем – кризис нынешней российской системы власти: неконкурентоспособность в динамичном, многослойном мире ригидных структур и охранительных механизмов, основанных на механистичных представлениях, автократии, клановости и патернализме (хотя Россия и предрасположена к патернализму в силу своей культурной неформальности). Судьбоносные реформы – созидание будущего – могут реализовываться усилиями гражданского общества, элит либо авторитарной власти, способных осуществить системную реконструкцию, смену стратегии и ревизию госаппарата. При этом критически важна совокупная воля к успеху и переменам – полнота национального консенсуса, умело сопряженного с ценностями общества и целями страны, а не с интересами отдельных групп.

С точки зрения политической философии и основ современного права, препоны волеизъявлению граждан, использование государственных средств для искажения информации и подавление инакомыслия, манипуляции с избирательным процессом (национальным проектированием будущего) являются «бунтом правителя»: они сковывают «перманентный плебисцит», нарушают логику развития, дисквалифицируют органы власти, являясь преступлением против суверена – народа как источника власти, аналогично «оскорблению величества» в прежних правовых системах. Возникающие при этом деформации деятельной среды, искажения сознания и деградация воли нации чреваты отчуждением, асоциализацией и в конечном счете аффектом масс.

Путь к грамотной реструктуризации – осознание актуального контекста перемен: доминирования будущего над прошлым, изменившегося статуса национальной государственности и личности, особенностей гражданства в новой редакции реальности, архитектоники страны как сообщества и мира как суммы взаимодействий, значения национальной идентичности и роли психофизиологической асимметрии людей, ценностных основ и заново осмысленных целей России. Ключевое условие успеха и долг национальной элиты – создание умной прописи этой важнейшей реформации. От качества исполнения задачи, от того, как промыслен, прописан и функционирует общественный договор, кем и по какой процедуре реализуется продвижение в будущее, зависит – возводятся ли здания на скале или же на песке.

Императивной процедурой и непростой проблемой является реформа госаппарата при отсутствии у него стимула к ауторегенерации, нацеленная – пока и насколько это возможно – на декриминализацию, обретение профессионализма и компетенций, адекватных времени и обстоятельствам. Равно как необходимость сопряжения российского соборного разнообразия с кодами практики, порождающей сложные ситуации, уникальные инструменты, оригинальные продукты, опережающие услуги и квалификации. Проблема многоаспектна, включая ее региональный и этнонациональный аспекты. Сейчас прошла рябь кадровых изменений, все более ощутима тектоника столкновения кланов, грядет, независимо от избранного акцента перемен, волна очередных преобразований, которые приведут, хочется верить, к добру.

Деятельное гражданское общество должно не просто контролировать государство, но доминировать над ним. Формула успеха – самосознание и самостояние людей, осознание ценности личности и сохранение ее целостности, пространств внутренней жизни, уважение к частной жизни, самоуважение. А также преодоление аморфности российского социума, создание профессиональных и территориальных общественных корпораций, свобода и естественность перехода персональной позиции, активного творчества в социализированный результат. В противном случае траектория человеческих усилий, отношений и суммарных проявлений (коллективных эффектов) перенаправляется в сферу неоархаизации и деструктивных практик.

Культурный императив

Страна должна заместить духовной силой то, что она потеряла в физической.

Фридрих Вильгельм III

Культурный и человеческий капитал, среда высокой организации, наличие оригинальной музыки сфер – императив для значимого присутствия в новом эоне, а проблема осознанной идентичности – одна из центральных в расширяющейся человеческой вселенной. Необходимо устранять барьеры, препятствующие синектике и самоорганизации, стимулируя социальные, а не коррупционные инстинкты.

В калейдоскопичной вселенной ценности являются источником энергий, определяющих связность и притягательность сообществ; а целостность – результатом продвижения к цели, ее перманентного постижения. Русская геокультурная доминанта амбивалентна, ее козырь – креативность в широком смысле: идеи, инакости, открытия, инсайты, образы, импульсы, мемы. В новом мире субстанция творчества – востребованный продукт, однако же и своеобразный джокер, идеи правят миром сами по себе. Будучи фрустрированной, русская социокультурная суперпозиция не просто снижает статус земных изделий и формальных долженствований, но начинает производить версии нигилизма.

Проблема опошления бытия и экспансия невежества, инволюция культурного и этического стандарта более чем актуальна сегодня для Российской Федерации. Иван Ильин в своем последнем труде «Аксиомы религиозного опыта» писал: «...вещи сами по себе не пошлы; но одноимённые им содержания, воспринимаемые и разумеемые людьми, могут быть совершенно пошлыми. Пошлость вносится в мир духовно-скудными и религиозно-мёртвыми людьми. Для того чтобы она появилась, нужен чей-нибудь субъективный, человеческий, духовно-немогущий, религиозно-мёртвый акт, который, обращаясь к непошлomu предмету, видел бы в нем и разумел бы в нем пошлое содержание».

Культура – не только литература, живопись, музыка или театр. Предметное поле намного шире, если обойтись одним словом – это цивилизованность. Именно ее следует удерживать, предъявлять, утверждать, транслировать, для чего необходимо преодолевать невежество и ничтожество, восстанавливая интегративность, отдавая должное этосу чести, пафосу благородства, в том числе используя соответствующую риторику, включая политическую (вместо нынешнего унижения речи), прозревая и осуществляя будущее сквозь пелену времени и паутину конъюнктуры. Диссонирующее, не обладающее нравственной и социокультурной легитимацией расслоение, сопровождаемое деградацией «среднего класса», разложением интеллигенции, уплощением масс, декоративный характер культурных клише при дефиците реальных держателей планки редуцируют профессиональные компетенции,

разрушают человеческое достоинство, коррумпируют личность и стимулируют аномизацию.

Не менее критичная сфера – хай-тек и особенно хай-хьюм. В России ощутим гуманитарный провал, кризис личностного состояния и профессионального роста, примат институциональной бюрократической коммуникации над профессиональной медитацией, объяснительный (vs. исследовательский) уклон, дефицит навыков рафинированного дискурса, философичности, интеллектуальной среды соответствующего класса. Публицистичность различного толка сегодня замещает дисциплинированное рассуждение, а некомпетентная метафоричность искажает категориальный аппарат. Столкновение же поверхностных концептов/рецептов с реальностью чревато – с почти фатальной неизбежностью – негативными следствиями.

Основа эффективных социоструктур в наши дни – человек как сложноорганизованная личность, его культурный, интеллектуальный, метафизический, духовный кругозор, способность к замещению социального отчуждения диалектическим взаимодействием, синергичной эволюцией. Основным национальным капиталом сегодня является не совокупность собранных территорий, а качество людей, населяющих страну, образно говоря, не площадь неба, но сумма звезд.

Умение опознавать невидимые миру горизонты в значительной мере определяется стилем мышления, привычкой субъекта к самостоятельной позиции, деятельной рефлексии и диалектичному анализу ситуаций. Требуются глубокая модификация здравоохранения, реконструкция нынешней страховой системы, приоритетное финансирование медицинской инфраструктуры (к примеру, за счет профессионального спорта). Причем под здравоохранением следует понимать не просто медицину как таковую, сколько критичность категории здоровья, целостность физического и эмоционального статуса, проблему российской врачебной этики и квалификации, компенсацию высокого уровня стресса у населения.

Социальный императив – созидание универсальной образовательной среды как системы перманентного и комплексного развития – имеет целью не просто освобождение нации от увечий невежества: российское общество нуждается в культурной и нравственной реабилитации, реституции человеческих качеств. Альтернативой антропологической катастрофе является культивация интеллектуально и морально полноценной, высокоорганизованной и самоорганизующейся личности, владеющей инициативой, обладающей чувством собственного достоинства, лидерскими качествами, развитым характером, эмоциональным интеллектом, критическим умом, духовным кругозором, чувством ответственности, творческими способностями, воображением, интуицией, способной плодотворно существовать в сложном мире.

Отдельным пунктом необходимо обратить внимание на состояние судебной системы и особенно – судейского корпуса...

Вряд ли в одном рассуждении можно перечислить и обосновать все необходимое для коррекции нынешнего положения вещей, разве что указать на отдельные пульсирующие точки. Кризис перехода между тем напоминает ситуацию витязя на распутье, когда совокупный дефицит политической воли и заминка с выбором направления сами по себе являются своеобразным выбором.

RUSSIAN HORIZONS

A.I. Neklessa

The 21st century gives birth to constructions and scenarios belonging to obscurity, the simplification of which is fraught with collisions. Transformation of the international relations system is under way, redistributions and delegations of sovereignty are seen everywhere, the expansion of nomenclature of foreign political organisms has become a commonplace. The benchmark of up-to-date agenda: a complex individual in a complex world – the emphasis is shifted to venture personal coalitions from impersonal bureaucratic organizations. The integrated world integrates what was previously split between various disciplines: war, economics, culture, individual development and group interaction – all merge into one supranational continuum. Russia in the format of the Russian Federation is the heir to the main part of historical and territorial property as the legal successor of the legal powers of Russia and the USSR and as the metropolis of the former Russian Empire. Reconstruction of the country is inevitable in one way or another, there is the logic of large systems – you can make some things happen sooner or later, but you cannot avoid them. High on the list of urgent problems is the crisis of the power system: the dynamic, multi-layered world makes noncompetitive rigid structures and protective mechanisms based on mechanistic notions, autocracy, clannishness, paternalism. The right way to competent restructuring is through the realization of the actual context: changes in the status of individual and state, the specifics of citizenship in the revised version of reality, the architectonics of state as a community and the world as a sum of interactions, the value bases of Russian society and its goals newly comprehended. Cultural and human capital, the environment of high organization, the presence of original version of the music of the spheres is an imperative for meaningful presence in the new eon, when the issue of conscious identity is one of the focal ones in the expanding human universe.

Key words: future, forecasting, complexity, transformation, preadaptation, post-modernity, Russia.